

12 00 08 УГОЛОВНОЕ ПРАВО
12 00 08 CRIMINAL LAW

УДК 343
ББК 67.410.2-32

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ
РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ, КАСАЮЩИХСЯ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
ЗАДЕРЖАНИЯ, В КОНТЕКСТЕ
НОВОГО УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КЫРГЫЗСТАНА**

*Исаева Клара Асангазыевна, д.ю.н.,
профессор КНУ им. Ж. Баласагына;
Калбаев Алмаз Тургуналиевич, к.ю.н.,
доцент КНУ им. Ж. Баласагына;
Мадмарова Эльнара Абдувалиевна,
соискатель кафедры уголовного процесса
ОшГЮИ (Кыргызстан)*

**ЧАНБАҲОИ БАҲСТАЛАБИ
ТАТБИҚИ МЕЪЁРҲОИ ДАҲЛДОРИ
НИҲОДИ МУРОФИАВИИ
ДАСТГИРКУНИ ТИБҚИ
КОНУНГУЗОРИИ НАВИ
МУРОФИАИ ЧИНОЯТИИ
ҚИРҒИЗИСТОН**

*Исаева Клара Асангазыевна, д.и.х.,
профессори ДМҚ ба номи Ж. Баласагин;
Калбаев Алмаз Тургуналиевич, н.и.х.,
дотсенти ДМҚ ба номи Ж. Баласагин;
Мадмарова Элнора Абдувалиевна,
унвонҷӯи кафедраи мурофиаи ҷиноятии
ДМҲ ш. Ош. (Қирғизистон)*

**PROBLEMATIC ASPECTS OF
REALIZATION OF NORMS
CONCERNED WITH DETENTION
PROCEEDING INSTITUTE IN THE
CONTEXT OF THE NEW CRIMINAL
PROCEDURAL LEGISLATION OF
KYRGYZSTAN**

*Isayeva Klara Asangazyevna, Dr. of
Jurisprudence, Professor of Kyrgyz National
University named after Zh.Balasaghyn;
Kalbayev Almaz Turgunaliyevich, candidate
of juridical sciences of KNU named after
Zh.Balasaghyn; Madamarova Elnara
Abduvaliyevna, claimant for candidate degree
of the department of criminal trial under Osh
State Institute of Law (Kyrgyzstan)
E-MAIL: isaeva-klara@inbox.ru*

Ключевые слова: фактическое задержание, процессуальное задержание, уголовно-процессуальное законодательство, защита прав, законные интересы, личность, уголовный процесс, судопроизводство

Отражены проблемные аспекты, связанные с введением новых процессуальных положений, касающихся института защиты и института задержания, в контексте реформирования УПК Кыргызской Республики (от 2017 г., вступил в силу с 1 января 2019 г.), а также авторская позиция по их разрешению. На основе сравнительно-правового анализа норм уголовно-процессуального законодательства Кыргызстана и Казахстана, связанных с задержанием, а также критического подхода к содержанию процессуальных

Isayeva K. A., Kalbayev A.T., Madamarova E. A. Problematic Aspects of Realization of Norms Concerned with Detention Proceeding Institute in the Context of the New Criminal Procedural Legislation of Kyrgyzstan

---

положений, регулирующих рассматриваемый институт, изложена авторская позиция относительно норм, предложенных законодателем Кыргызстана. Высказаны доводы о негативных последствиях положений, заложенных в уголовно-процессуальный закон Кыргызстана, а также дано обоснование предлагаемых изменений и дополнений в УПК Кыргызской Республики. Отдельные рекомендации могут послужить отправной позицией для ученых-юристов не только Кыргызской Республики, но и других стран СНГ.

Калидвожаҳо: дастгиркунии воқеӣ, дастгиркунии муурофиавӣ, қонунгузори муурофиаи ҷиноятӣ, ҳимояи ҳуқуқӣ, манфиатҳои ҳуқуқӣ, қонун, ҳимоятгар

Дар мақола ҷанбаҳои баҳсталаб нисбат ба ҷорӣ намудани қоидаҳои нави муурофиавӣ ва масоили дахлдори ниҳодҳои ҳимоя ва дастгиркунии тибқи ислоҳоти КМҶ Ҷумҳурии Қирғизистон (аз соли 2017, аз 1 –январии соли 2019 ҷорӣ гардид) баррасӣ гардида, роҳи ҳалли онҳо аз назари муаллифони нишон дода шудааст. Тибқи таҳлили муқоисавӣ-ҳуқуқии меъёрҳои қонунгузори муурофиаи ҷиноятӣ Қирғизистону Қазоқистон, ки ба дастгиркунии алоқаманданд, инчунин бо дарназардошти муносибати танқидӣ нисбат ба мӯҳтавои қоидаҳои (нуқтаҳои) муурофиавии аз тарафи ниҳоди мавриди назар танзимшаванда, мавқеи муаллифони нисбат ба меъёрҳои пешниҳоднамудаи қонунгузори Қирғизистон муайян карда шудааст. Муаллифони оқибатҳои номатлуби нуқтаҳои ба Қонуни муурофиаи ҷиноятӣ Қирғизистон воридгардидаҳо ба далелҳо ба исбот расонида, пешниҳодҳои асоснок оид ба тағйироту иловаҳо ба Қонуни мазкур асоснок кардаанд. Таваҷҷуҳи алоҳидаи муаллифони мавқола ба барои олимони ҳуқуқшиносони танҳо Ҷумҳурии Қирғизистон, балки дигар мамлакатҳои ИДМ чун роҳнамо хизмат кунанд.

Key-words: *factual detention, detention proceedings, criminal-procedural legislation, advocacy of rights, legitimate interests, individual, criminal trial, legal proceedings*

The article reflects problematic aspects and authors' position on their solution; the latter being concerned with the institutes of advocacy and detention in the context of reformation in regard to the criminal-penal code (CPC) of the Kyrgyz Republic dated by 2017 (validity is enforced since January 1, 2019). Designing on the premise of comparative-legal analysis of the norms of criminal-procedural legislation functioning in Kyrgyzstan and Kazakhstan and related to detention and also to critical approach towards procedural provisions regulating the institute in question, the authors expound their position in reference to the norms moved by the legislator of Kyrgyzstan and laid into the criminal-procedural law of Kyrgyzstan; the authors give a substantiation of proposed alterations and addenda supposed to be introduced into Kyrgyzstan Republic CPC as well. Separate recommendations can serve as a starting position for scientist-jurists not only in Kyrgyzstan, but in other CIS countries either.

Если говорить в целом, то, безусловно, неразрешенным, по нашему мнению, остается вопрос, связанный с кругом лиц, допускаемых законом к выступлению в качестве защитников в уголовном процессе.

Так, согласно действующему УПК КР, а именно ч.2 ст.44, в качестве защитника в следствии участвует адвокат. Что касается судебной стадии, то законодатель предусматривает возможность допущения в качестве защитников близких родственников и законных представителей подсудимого. В отличие от УПК РФ, законодатель Кыргызстана,

Исаева К. А., Калбаев А.Т., Мадмарова Э.А. Проблемные аспекты реализации норм, касающихся процессуального института задержания, в контексте нового уголовно-процессуального законодательства Кыргызстана

исходя из буквального толкования нормы, не ограничивает число лиц, которые могут быть привлечены в качестве защитника из числа близких родственников, и количество законных представителей. Законодатель РФ сужает круг лиц, т.е. в ч.2 ст.49 УПК РФ указывает, что «наряду с адвокатом это может быть один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый» (1).

Анализ положений ст.50 нового УПК КР (2017 г.) свидетельствует о несколько ином подходе законодателя к лицам, которым дается право осуществлять защиту прав и интересов участников процесса. Об этом свидетельствует содержание ч.1 ст.50 нового УПК КР, где четко оговаривается, что в качестве защитника в досудебном производстве и в суде участвует только адвокат. Следуя смыслу и содержанию нового закона, не предусмотрена возможность допуска в качестве защитников иных лиц, кроме адвоката. То есть в комментируемой статье, в отличие от действующего УПК, нет субсидиарных защитников, которые могут на сегодняшний день участвовать в суде по определению или постановлению суда.

Не оставляет сомнений, что в обязательном порядке на стадии досудебного производства и в суде должен участвовать адвокат (2). Но вместе с тем сложно согласиться, что наряду с адвокатом в этом не могут принимать участие субсидиарные защитники, которые будут способствовать повышению эффективности защиты и обеспечивать большую степень реализации принципа состязательности сторон.

Об этом свидетельствует подход законодателя Казахстана, который в новом УПК значительно расширил и детализировал круг субсидиарных защитников уголовного процесса.

Так, согласно ч.2 ст.66 нового УПК РК, «при участии адвоката защиту может осуществлять одно из следующих лиц: супруг (супруга) или близкий родственник, опекун, попечитель либо представитель организации, на попечении или иждивении которой находится подзащитный» (3).

С нашей точки зрения, такая позиция заслуживает одобрения, поскольку охватывает большой круг населения, который нуждается в особой защите, с привлечением заинтересованных в этом лиц. Причем нам импонирует подход законодателя Казахстана и в том, что он предусмотрел возможность для привлечения к подзащитным иностранного адвоката в порядке, определяемом законодательством.

Между тем следует отметить, что, согласно смыслу и содержанию нового УПК КР, в его отдельной норме оговаривается, что «по делам о преступлениях и проступках, совершенных несовершеннолетним, к обязательному участию в деле привлекаются их законные представители, а также сотрудники уполномоченного государственного органа по защите детей» (4). Также, согласно ст.467 нового УПК КР (2017), в досудебном производстве и в суде законным представителем лица по делу о применении к нему принудительных мер медицинского характера, может выступать его родственник, сотрудник соответствующего медицинского учреждения на основании постановления уполномоченного должностного лица органа дознания, следователя, либо постановления (определения) суда (4).

То есть, речь идет лишь об особом порядке уголовного судопроизводства, когда могут быть привлечены законные представители, и такой избирательный подход нам видится необоснованным.

На наш взгляд, наиболее уязвимыми являются вопросы, связанные с институтом задержания. Так, согласно ч.2 ст.50 нового УПК КР, защитник допускается «с момента фактического задержания подозреваемого или уведомления о подозрении в совершении

преступления и (или) проступка подозреваемого, обвиняемого, а свидетеля – с момента первого допроса» (4).

Не можем не обратить внимания на то, как законодатель КР в п.53 ст.5 нового УПК дает понятие о «фактическом задержании», имеющем важное значение для определения периода вступления защитника, а именно, что это «момент фактического лишения свободы передвижения лица, в отношении которого имеется обоснованное подозрение в совершении преступления и (или) проступка» (4).

С нашей точки зрения, представленная трактовка достаточно размыта, поскольку, исходя из смыслового содержания, она не в полной мере отражает суть уголовно-процессуального определения данной меры обеспечения по сравнению с другими положениями УПК стран СНГ. К примеру, как показывает анализ содержания п.29 ст.7 УПК РК, по нашему мнению, в ней законодатель принял меры к более широкому охвату сути рассматриваемого понятия.

Так, согласно комментируемой статье, под фактическим задержанием понимается «ограничение свободы задержанного лица, включая свободу передвижения, принудительное удержание в определенном месте, принудительное доставление в органы дознания и следствия (захват, закрытие в помещении, принуждение пройти куда-либо или остаться на месте и так далее), а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие личную свободу человека, с момента с точностью до минуты, когда указанные ограничения стали реальными, независимо от придания задержанному какого-либо процессуального статуса или выполнения иных формальных процедур (ст.7 УПК РК)» (3).

Такая расширенная трактовка лишь подтверждает дискуссионность данного вопроса, поэтому законодатель посчитал обоснованным охватить все ключевые моменты этапа задержания. Несколько иначе поступил законодатель РФ, который в п.15 ст.5 УПК РФ дает более сокращенное определение момента фактического задержания, но при этом он делает ссылку на нормы, регулирующие порядок фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Проблема, на наш взгляд, заключается в самом подходе законодателя Кыргызстана к сроку исчисления задержания подозреваемого. Так, исходя из анализа частей 2 и 5 ст. 99 УПК КР (от 2017 г.), следует, что срок фактического задержания исчисляется с момента физического захвата подозреваемого лица, а не с момента составления постановления о задержании. Об этом свидетельствуют не только рассматриваемые положения нового УПК КР, но и то, что, *во-первых*, это указано в пояснении, изложенном законодателем к новому УПК. Там дается разъяснение, что подозреваемый обеспечивается защитником с момента фактического, а именно физического задержания. *Во-вторых*, такая позиция законодателя Кыргызстана подтверждает и анализ ст. 54 УПК КР (от 2017 г.) «Полномочия защитника», где, согласно п. 5 ч. 2 данной нормы, защитник имеет право присутствовать при задержании лица; *в-третьих*, согласно ч. 1 ст. 99 УПК КР (2017 г.), также следует, что подозреваемому разъясняются его права, в том числе с момента фактического задержания. Причем если следовать буквальному толкованию, то это не связано с составлением постановления о задержании. Тогда закономерно возникают резонные вопросы: каким образом и когда будут выясняться обстоятельства причастности задержанного к преступлению; как будет обеспечиваться защитник на место задержания в кратчайшие

сроки; как следует поступать органам следствия и дознания, если для доставления задержанного требуется длительное время, и т.д.?

Нам импонирует позиция, выбранная законодателем России и Казахстана, где достаточно четко регулируется сам факт процессуального задержания. Не случайно процессуалист В.П. Божьев подразделяет задержание на *два вида: первое* – это захват лица с доставлением его в милицию или другой правоохранительный орган, который не является уголовно-процессуальным задержанием, если оно осуществлено лицами, не уполномоченными осуществлять уголовно-процессуальное преследование; *второе* – это когда задержание осуществлено органами дознания, дознавателем и следователем на основании норм УПК и именуется как уголовно-процессуальное (5). Причем процессуальное задержание исчисляется с момента составления протокола.

Необходимо учитывать, что, во исполнение положений Конституции Кыргызской Республики и в соответствии с этим, согласно ч. 2 п. 5 ст. 99 УПК КР (2017 г.), до истечения 45 часов подозреваемый должен быть доставлен в суд для решения вопроса о законности и обоснованности задержания лица. Наряду с этим, с нашей точки зрения, изложенный выше подход законодателя Кыргызстана является ошибочным, что не только затруднит деятельность субъектов расследования, но и будет противоречить осуществлению задач уголовного процесса в целом.

Также следует отметить, что, в отличие от ст. 128 УПК РК и ст. 91 УПК РФ, в ч. 1 ст. 98 УПК КР (2017 г.), по сути, дается понятие задержания, что в определенной степени дублирует положение п. 15 ст. 5 УПК КР (2017 г.).

С учетом высказанных соображений вполне логично, что в ч.1 ст. 98 необходимо оставить только положения, касающиеся оснований для задержания, а в ст.5 изложить более распространенное толкование понятия «фактическое задержание», что внесет достаточную ясность в его понимание правоприменителями. Но при этом анализ содержания ч.1 ст.98 нового УПК КР свидетельствует, что нет ясности и относительно оснований для задержания лица по делам о проступках. В данной норме изложена возможность применения задержания для «обеспечения производства по делу о проступке в случаях, предусмотренных главой 61 настоящего кодекса» (4). Но при этом, если мы обратимся к главе 61 нового УПК, то в ч.3 ст.504 изложено следующее: «В исключительных случаях, при наличии оснований, указанных в статье 98 настоящего кодекса, в отношении лица, подозреваемого в совершении проступка, может применяться задержание» (4).

Не оставляет сомнений, что в рассматриваемой ситуации налицо коллизия закона, поскольку законодатель, делая ссылки на нормы статьи, ни в одной из них не указывает, что же является основанием для применения задержания к лицу по делам о проступках, кроме как пресечение проступка. И здесь мы считаем обоснованной позицию законодателя РК, где по данному вопросу им в ч.1 ст.128 четко регламентируется следующее: «для обеспечения производства по уголовному проступку, по которому имеются основания полагать, что лицо сможет скрыться либо совершить более тяжкое деяние» (3).

Поэтому считаем логичным изложить в другой интерпретации положение ч.1 ст.98 УПК КР, с целью внесения ясности для правоприменителей по поднимаемому вопросу.

Кроме того, ч.2 рассматриваемой статьи предусматривает основания для задержания не только лиц, подозреваемых в совершении преступления, но и проступка.

Не претендуя на бесспорность суждений, считаем, что изложенные в ч.2 ст.98 нового УПК основания должны касаться лишь преступлений, поскольку, исходя из позиции законодателя, в данном случае здесь разные юридические последствия. Поэтому является логичным, что в ч.2 ст.504 регламентируется, что «по делам о проступках не допускается мера пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста в отношении лица, подозреваемого в совершении проступка». Кроме того, в диспозиции ч.2 ст.98 говорится о задержании за преступление, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, что свидетельствует о тяжести совершенного деяния.

Критический анализ содержания ч.3 ст.98 нового УПК КР свидетельствует о наличии противоречий как с нормами гл.31, так и ч.1 ст.504 данного Кодекса. Так, исходя из буквального толкования положений гл.31, а также ч.1 ст.504 УПК КР, проведение специальных следственных действий запрещено в отношении лиц, совершивших проступки. Но в ч.3 ст. 98 нового УПК КР данная позиция законодателя не учитывается, а потому положения данной статьи вступили в коллизию с правилами указанных нами норм, что требует приведения ее в соответствие с законом.

На основании изложенного выше нами предлагается:

1. Ч.1 ст.98 нового УПК КР «Основания задержания» изложить в следующей редакции: *«Задержание подозреваемого в совершении преступления и (или проступка) является мерой обеспечения, применяемой уполномоченным лицом органа дознания или следователем с целью пресечения преступления и (или проступка), выяснения причастности задержанного к преступлению и разрешения вопроса о заключении его под стражу, а также для обеспечения производства по делу о проступке, по которому имеются основания полагать, что лицо может скрыться либо совершить более тяжкое деяние».*

2. Учитывая разный характер юридических последствий преступления и проступка, считаем обоснованным исключить из содержания диспозиции ч.2 ст.98 нового УПК КР следующее:

- «а также проступка в случаях, предусмотренных главой настоящего кодекса»;
- из п.1,2,3 ч.2 данной статьи слова «и (или) проступка».

3. Поскольку ч.3 ст.98 УПК КР вступает в противоречие с ч.1 ст.504, где законодателем исключено проведение специальных следственных действий в досудебном производстве по делам о проступке, данная норма требует иной трактовки. Считаем возможным предложить свой вариант редакции ч.3 ст.98 УПК КР, а именно: *«Задержание лиц по подозрению в совершении преступления и (или) проступка производится после проведения следственных действий, достаточных для объявления подозреваемому, в совершении какого преступления и (или) проступка он подозревается, а также при производстве специальных следственных действий, но лишь в случаях совершения преступлений, регламентируемых главой 31 настоящего Кодекса».*

4. Внести следующие предложения законодательного характера:

а) дополнить п. 53 ст. 5 нового УПК Кыргызской Республики и изложить его в следующей редакции: **«фактическое задержание** - момент фактического лишения свободы передвижения лица», дополнить: «Срок задержания исчисляется с момента фактического доставления подозреваемого в орган дознания или следствия и составления постановления о задержании уполномоченным на то должностным лицом»;

б) внести изменения и дополнения в ст. 99 нового УПК КР **«Порядок задержания подозреваемого»** и часть 1данной нормы изложить в следующей редакции:

Исаева К. А., Калбаев А.Т., Мадмарова Э.А. Проблемные аспекты реализации норм, касающихся процессуального института задержания, в контексте нового уголовно-процессуального законодательства Кыргызстана

«1. Постановление о задержании лица, подозреваемого в совершении преступления, составляет не позднее трех часов с момента фактического задержания. Подозреваемому в момент фактического задержания должно быть объявлено, в чем он подозревается, а также разъяснено право не давать показания против себя, право иметь адвоката, а также право пользоваться гарантированной государством юридической помощью»;

«2. В постановлении о задержании указываются дата, место и время начала и окончания его составления, должность, фамилия, имя лица, составившего постановление, сведения о личности подозреваемого, его физическом состоянии на момент задержания, основания и мотивы, место и время фактического задержания (с указанием часа и минут), сведения о разъяснении подозреваемому прав, предусмотренных статьей 45 настоящего Кодекса, результаты личного обыска и телефонного разговора, *объяснения задержанного, наличия показаний либо причины, по которым он отказался давать как таковые*».

«3. Постановление о задержании объявляется подозреваемому с одновременным разъяснением его прав, о чем делается соответствующая отметка, а также подписывается следователем или уполномоченным должностным лицом органа дознания и задержанным и его защитником».

Следует учитывать, что, согласно п.12 ч. 1 ст. 45 нового УПК КР, дача объяснений (показаний) по вопросам имеющегося подозрения – это процессуальное право подозреваемого, но не обязанность. Вместе с тем в содержании постановления данное положение должно быть предусмотрено и прописано;

в) Предлагается в ч. 2 ст. 102 нового УПК КР **«Основания освобождения лица, задержанного подозреваемого»** внести изменения и дополнения и изложить ее в следующей редакции:

«2. Если в течение 48 часов, а в отношении несовершеннолетнего - 24 часов с момента фактического задержания к начальнику места содержания задержанного не поступило постановления суда о санкционировании задержания под стражу или дальнейшем продлении срока либо о применении к задержанному меры пресечения в виде заключения под стражу, то начальник места содержания задержанного своим постановлением немедленно освобождает задержанного, о чем уведомляет следователя, уполномоченное должностное лицо органа дознания, в производстве которого находится дело, и прокурора, о чем составляет протокол».

Дополнить новыми частями ст. 102 нового УПК КР и изложить их в следующей редакции:

«- В случае, если имеется постановление суда об отказе в удовлетворении ходатайства уполномоченного должностного лица, в производстве которого находится дело об избрании в отношении задержанного подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу, то копия такого постановления выдается подозреваемому или его адвокату при его освобождении»;

«- В случаях отсутствия законных оснований для задержания подозреваемого, установленного судом, либо если оно было проведено с нарушением требований ст. 98, 99 настоящего Кодекса, то данные, полученные в результате следственных действий с его участием в ходе либо после незаконного задержания, не могут быть признаны допустимыми в качестве доказательств по делу».

Нам импонируют и безусловно положительные процедурные моменты порядка участия защитника по уголовным делам: приглашение, назначение и замена защитника, оплата

труда, которые предусмотрены ст.ст. 50 УПК РФ, 68 УПК РК, 45 УПК КР;- отказ от защитника – ст.ст. 50 УПК РФ, 69 УПК РК, 47 УПК КР, 51 нового УПК КР.

Мы не будем подробно останавливаться на указанных нормах, но считаем необходимым обратить внимание на позитивные новации нового УПК КР в комментируемой норме. Во-первых, это обязанность должностных лиц предоставлять адвокатов через государственный реестр адвокатов по гарантированной государством юридической помощи (ч.4 ст.51 УПК КР); во-вторых, оговариваются процессуальные сроки предоставления адвокатов через государственный реестр по гарантированной государством юридической помощи в случае невозможного участия адвоката, а также при избрании меры пресечения (ч.5 ст.51 УПК КР). Такое же новшество предусматривает и законодатель РК (ч.3 ст.68 УПК РК).

Поэтому при задержании подозреваемого лица государство берет на себя обязанность обеспечить его квалифицированной юридической помощью, что свидетельствует о его стремлении взять под особый контроль защиту прав и свобод лиц, попавших в орбиту уголовного судопроизводства.

Таким образом, наше исследование подтверждает, что положения нового УПК КР от 2017 г. далеки от совершенства, отдельные из них требуют глубокого переосмысления. Иначе реализация новых норм УПК КР, касающихся института задержания и рассмотренных нами в статье, повлечёт негативные последствия, поскольку будет препятствовать достижению задач уголовного процесса.

Список использованной литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (действующая редакция 18.12. 2001 за № 174-ФЗ) / <http://rulaws.ru/upk-rf/>
2. Исаева К. А., Абдукаримова Н.Э., Воронцова И.Н. К вопросу об отдельных тенденциях реформирования уголовно-процессуального законодательства в странах СНГ // *Полицейская и следственная деятельность. -2018 –№ 2. – С. 9-15.*
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2018) / http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852
4. Уголовно-процессуальный кодекс от 2 февраля 2017 года № 20 (введен в действие 01.01.2019) / <https://online.zakon.kz/>
5. Уголовный процесс: учебник / Под ред. В.П. Божьева (3-е изд., испр. и доп.). - М.: Спарк, 2002. - 704 с.

Reference Literature:

1. *The Criminal-Procedural Code of Russian Federation (functioning valid recension from 18.12.2001, N174 – FZ) / <http://rulaws.ru/upk-rf/>*
2. *Isayeva K. A., Abdukarimovna N. E., Vorontsova I. N. To the Issue of Separate Tendencies of Reformation of Criminal-Procedural Legislation in CIS Countries // Police and Investigation Activities. – 2018, N2. – pp. 9-15.*
3. *The Criminal-Procedural Code of Kazakhstan Republic from July 4, 2014, N231-V (with alterations and addenda; the state being considered since 01.07.2018) / [http](http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852)*
4. *Criminal-Procedural Code from February 2, 2017, N20 (being valid since 01.01.2019 /*
5. *Criminal Procedural Code: manual // Under the editorship of V. P. Bozhyev (the 3-d edition, revised and enlarged). – М.: Spark, 2012. – 704 pp.*